

УДК 821.161.1.09 : 81-112

Ф. Н. ГЛИНКА О ЯЗЫКЕ¹

С. А. Васильева

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

В статье анализируется позиция Ф. Н. Глинки в дискуссии о русском языке, рассматриваются проблемы функционирования древнерусских слов и выражений, церковнославянизмом и библеизмом в художественных произведениях Ф. Н. Глинки, фиксируются различные случаи их употребления.

Ключевые слова: *история русской литературы XIX в., творчество Ф.Н. Глинки, церковнославянизмы и библеизмы, древние языки, литература в системе культуры*

Имя Федора Николаевича Глинки стало известно русскому читателю в конце 1800-х гг. В 1807–1808 гг. публикуются его первые стихотворения в журналах «Русский вестник», «Аглая», «Друг юношества». В 1808 г. выходит книга «Письма русского офицера», позднее появляются «Письма к другу» (1815, 1816). Круг литературного общения Глинки был очень широк. Только в заседаниях Вольного общества любителей российской словесности под председательством Глинки участвовали А. Дельвиг, В. Кюхельбекер, И. Лажечников, М. Загоскин, Е. Баратынский, О. Сомов, А. Шишков, Н. Греч, Н. Гнедич, братья А. и Н. Бестужевы, К. Рылеев, А. Воейков и др. [8, с. 8], в московском салоне Глинок в 1840-е гг. собирались славянофилы, в ближайшее литературное окружение входили М. Дмитриев, Ф. Миллер, М. Погодин, П. Плетнев, С. Раич, Е. Ростопчина и др.

Филологического образования Глинка не получил. Уже будучи известным литератором, он с сожалением отмечал, что «не имел классического образования и предварительных сведений, составляющих принадлежность литератора», поэтому «должен был собственными средствами развивать небольшой талант свой и, уже гораздо после выпуска из корпуса (где тогда не преподавали еще пиитики), доходил самоучкою до составления правильных стихов» [3, с. 315, 316].

Ф. Н. Глинка не относил себя ни к какой литературной школе, ни к какому направлению. В письме к В. В. Измайлову (1826 г.) он утверждал: «Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю, как назвать!» По мнению В. П. Зверева, литературные взгляды Глинки развивались на удивление автономно, «его нельзя причислить ни к романтикам, ни к сентименталистам, ни к классицистам, ни к откровенным реалистам» [8, с. 7].

В период первых литературных опытов образцом для подражания Глинке служили, в основном, представители русской литературы рубежа XVIII–XIX вв.: Н. Карамзин, И. Дмитриев, М. Ломоносов, Г. Державин. Творчество этих авторов Глинка хорошо знал, о чем свидетельствуют отсылки к их произведениям в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древние языки в русской литературе XIX века», 12-04-00036.

«Письмах русского офицера». В письме В. Измайлову, критикуя светское общество, он задается вопросом: всегда ли так было? И отвечает отрицательно, ссылаясь на предшествующую эпоху: «Тут я опять за старую песню, опять обращаюсь к тому времени, когда славился Карамзин, Дмитриев, когда читали вас с наслаждением, когда еще ценили прозу Хераскова, имеющую неотъемлемое внутреннее достоинство; тогда читали и романы, любили и мечтательность, но тогда было больше теплоты в обществе, менее дремоты в душах, в мужчинах менее холодности к женщинам, в женщинах более пленительности» [4, с. 475–476]. Таким образом, Глинка не скрывал своей приверженности к литературным традициям XVIII в., именно поэтому «с самого начала он примыкает к сторонникам “старого слога”, связанного с именами Ломоносова и Державина и имеющего древнеславянские корни» [9, с. 321].

До сих пор обсуждается вопрос об атрибуции статьи «Замечания о языке славянском и русском, или светском наречии», опубликованной в № 7 «Русского вестника» за 1811 г. Ряд исследователей считают ее автором Ф. Н. Глинку [1, с. 8–9], другие приписывают ее С. Н. Глинке [10, с. 97–100; 12]. В целом статья отвечала духу журнала, «для которого идея национальной самобытности культуры была четко выраженной программной установкой» [11, с. 1], поскольку «Русский вестник» «выразил все основные идеи консервативно-националистического направления того времени: критику галломании русского образованного общества, идею самобытности отечественной культурно-исторической традиции, особого национального характера русских, и, соответственно, необходимости создания национальной системы образования и приоритета в ней русского языка как транслятора национального менталитета» [12, с. 1].

Взгляды братьев по вопросам языка были сходными, что и вызвало путаницу в атрибуции. В «Замечаниях о языке славянском и русском, или светском наречии» автор восхищался «славянским наречием»: «Какое изобилие! Какие возвышенные и какие величественные красоты в наречии славянском. И притом какое искусное и правильное сочетание слов, без чего и лучшие мысли теряют свою красоту... Славянское наречие особенно отличается силою, краткостью, выразительностью. Силу краткость и выразительность – постараемся сохранить в русском языке» [7, с. 75]. В. Г. Базанов, считая автором статьи Ф. Н. Глинку, пишет, что последний во многом предвосхитил выступления Катенина в «Сыне отечества» и Кюхельбекера в «Мнемозине» [1, с. 9]. Катенин в 1822 г. указывал на необходимость следовать по пути, проложенному Ломоносовым: «Знаю все насмешки новой школы <...> над славянофилами, варягороссами и пр., но охотно спрошу у самих насмешников: каким же языком нам писать эпопею, трагедию или даже важную благородную прозу? Легкий слог, как говорят, хорош без славянских слов; пусть так, но в легком слоге не вся словесность заключается: он даже не может занять в ней первого места; в нем не существенное достоинство, а роскошь и щегольство языка» [15, с. 252].

Ф. Н. Глинка занимал близкую позицию, что отразилось и в его поэзии. Он любил элегический псалом, поэзию архаическую, которая во многом противоречила литературе того времени, «с помощью церковнославянской книжной лексики, славянизмов и библеизмов Глинка создает торжественную поэтическую речь» [1, с. 26]. Чаще всего в своей духовной поэзии он обращается к псалмам. Так, в собрание сочинений 1869 г. он включил 30, 43, 62, 67, 92, 103, 112, 133, 136, 141 псалмы или отрывки из них [6]. М. Шаров в рецензии «Иов и друзья его. По поводу произведения Ф. Н. Глинки: Иов, свободное подражание

священной книге Иова» (1859) называет религиозную поэзию забытым направлением и противопоставляет в этом плане позитивистской культуре своего времени поэзию к. XVIII – н. XIX в., когда переложения псалмов были более распространены [16, с. 3]. По мнению современного исследователя, Глинка в отношении языка и жанров «ближе всего к архаистам-классикам. В его языке соединяются архаизмы и просторечие, но не с тем художественным тактом, как у Ломоносова, и не с той свободой, как у Державина; а, главное, на фоне школы “гармонической точности” они воспринимаются не иначе как безвкусная пестрота, безразборность в слове. Наиболее представительные жанры в его поэзии — высокие, классицистические: трагедия, аллегория и религиозная поэзия в духе масонских од» [13, с. 94–95].

Пушкин называл Глинку самым оригинальным из всех поэтов, поскольку он «не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в стансах метафизических или Крылова в его сатирической притче» [14, с. 110]. Т. Г. Мальчукова, анализируя переложения 103 псалма Ломоносовым, Полоцким, Сумароковым, а в 1820-е годы Хвостовым и Кюхельбекером, отмечает неточность изложения Глинки, неудачные повторения. Однако в целом достоинство стихотворения Глинки признал сам Пушкин, поместив его в альманахе «Северные цветы на 1832 г.», посвященном памяти Дельвига.

Разумеется, для псалмов Глинки характерен и определенный язык, в них заметно тяготение к поэзии архаической, отличающейся обилием славянизмов, запутанностью синтаксиса: «Глинка считал, что церковнославянский и старорусский языки являются более благоприятной речевой стихией для высокой поэзии, нежели язык карамзинистов, рассчитанный на стабильные темы дворянского салона» [1, с. 27]. В этом же ряду надо рассматривать и строфическое распределение синтаксических целых, и интонационное значение «вопрошаний» и «восклицаний». В. Г. Базанов напрямую связывает религиозную поэзию Глинки, «восходящую и тематически, и конструктивно то к величавым песням ветхозаветных пророков, то к русской поэзии XVIII века (Ломоносов и Державин – прежде всего)» [1, с. 27] с политической поэзией декабристов эпохи Союза Благоденствия. Яркий пример — строки из элегического псалма «Плач пленных иудеев» («Полярная звезда», 1823): «Увы, неволи дни суровы // Органам жизни не дают: // Рабы, влачащие оковы, // Высоких песней не поют!» [6, с. 37]

Стиль этого псалма, его ритм и синтаксис полностью соответствовали тону декабристской поэзии. «Высоту» стилю придают специально подобранные славянизмы: *влекомы, органы, гласят, воспойте*. Однако, широко используя церковно-славянскую лексику, Глинка часто в своей поэзии использовал и лексику разговорную, что было замечено современниками и даже вызывало насмешки.

Среди религиозных произведений Глинки были не только псалмы, но и молитвы в стихах, молитвы в прозе, так называемые «сны» и «видения». В «Словах и видениях» Глинка тоже широко использует церковно-книжную лексику. Уже в первом видении при изображении аллегорической картины борьбы добра и зла, Востока и Запада появляются ополчение «белоризных» и ополчение

черных существ, каждое из которых имело вид черной собаки. Столкновение их Глинка называет «битвой», «боем», но после окончательной победы «белоризных» он использует высокий слог: «видящий увидел великое *ликование* на небе и ему сказали: “брань решилась и дело земли кончено!”» (здесь и далее выделено мной – С. В.) [5, с. 96]. Безусловно, многие образы, созданные Глинкой в «Словах и видениях», целый ряд тем и мотивов, им затронутых, так или иначе соотносятся с другими его произведениями.

Декабристские идеалы служения обществу сохраняли для Глинки свою актуальность многие годы. Он считал, что «часто бездействие скрывает себя под приятною личиною *покоя* и сулит верное счастье... Не верьте посулам его! Человек, как член общества, конечно, нигде не найдет счастья, если не умел найти его в жизни деятельной, на пользу общую посвященной. – Жизнь и деятельность столь же тесно соединены между собою, как *пламя* и *свет*. Что *пылает*, то, верно, *светит*, что *живет*, то, конечно, *действует*» [4, с. 353]. В евангельской морали Глинка «видел образец нравственной чистоты, именно поэтому он переложил на язык стиха многие псалмы, придавая нравочению и выработанной веками мудрости современное звучание. В духе декабристов он почитал религию “не в наружных только признаках, но в самых делах”, его политические взгляды основывались на мировоззрении православного христианина» [8, с. 15].

В «Словах и видениях» Глинка использует и псалмы, иногда прямо их цитируя, иногда косвенно к ним отсылая. Так, описывая Ангела Крепкого суда, который «о казнях *грешников* говорит с *некоторою* настойчивостью и некоторым даже жаром, как исполнитель *Великих казней Господних*», Глинка указывает: «Во испрошение *пощады* читать псалом: “Г<оспо>ди, Да не ярости твоею!”» [5, с. 137] (псалом 6: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене»). В другом отрывке описывается Архангел Уриил, вождь Ангелов чистоты, он «в *правой* руке держит, на сочном зеленом стебле, *три* белых лилии, в левой *хартию* (в виде свитка), развитую с словами: “ИИСУС ХРИСТОС, сын Бога живого есть *чистота* и *кротость*, есть *Агнец Божий* вземляй грехи мира”». Ниже Глинка указывает: «Псалом: “Помилуй мя, Боже! по велицей милости твоей и по множеству щедрот твоих, *очисти мя!*”» [5, с. 145] (псалом 50).

Глинка, конечно, знал, что его обвиняют в слишком вольном обращении со священными текстами, и писал, что его произведения «не следует считать ни буквальным переложением, ни близким подражанием священным псалмам», что он «брал иногда общий смысл, иногда же только некоторые стихи из целого псалма и, сообразуясь с новейшим способом стихосложения, выражал так, как было прилично вдохновению, двигаемому тогда моею душою» [цит. по: 2, с. 67]. В «Словах и видениях» библейские образы, использование архаизмов, библеизмов, церковно-книжной лексики тоже служат для Глинки отправной точкой: на их основе он создает собственные аллегорические картины. Если «Свободное подражание Священной книге Иова» было опубликовано лишь в 1859 г., «Таинственная капля», посвященная земной жизни Христа, в России вышла в 1870 г., то «Слова и видения» Глинка опубликовать так и не решился.

Список литературы

1. Базанов В. Г. Ф. Н. Глинка // Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 5–54.
2. Базанов В. Г. Поэтическое наследие Федора Глинки (10 – 30-е годы XIX в.). Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1950. 128 с.

3. Глинка Ф. Н. Автобиография // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. литература, 1980. Т. 1. 476 с.
4. Глинка Ф. Н. Письма к другу. М.: Современник, 1990. 558 с.
5. Глинка Ф. Н. Религиозная проза. Сны и видения; сост., подгот. текста, вступит. ст., примеч. С. А. Васильевой. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. 224 с.
6. Глинка Ф. Н. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Духовные стихотворения. М.: Тип. газеты «Русский», 1869. 490 с.
7. Замечания о языке славянском и русском, или светском наречии // Русский вестник. 1811. № 7. С. 56–67.
8. Зверев В. П. Великодушный гражданин // Глинка Ф. Н. Письма к другу. М.: Современник, 1990. С. 5–25.
9. Карпец В. И мне равны и миг, и век // Глинка Ф. Н. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1986. С. 309–328.
10. Киселева Л. Н. Еще раз о С. Н. Глинке – читателе «Слова о полке Игореве» // *Finitis duodecim lustris*: сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 97–100.
11. Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.01. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1982. 16 с.
12. Лупарева Н. Н. Общественно-политическая деятельность и взгляды С. Н. Глинки: автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010. 24 с.
13. Мальчукова Т. Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х гг. // Христианская культура. Пушкинская эпоха. Вып. X. СПб.: Центр православной культуры, 1996. С. 64–84.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. XI. Критика и публицистика. 1819–1834. 588 с.
15. Катенин П. А. Письмо к издателю «Сына отечества» // *Сын отечества*. 1822. № 13. С. 249–261.
16. Шаров М. Иов и друзья его. По поводу произведения Ф. Н. Глинки: Иов, свободное подражание священной книге Иова. СПб., 1859.

F. N. GLINKA ABOUT LANGUAGE

S. A. Vasiljeva

Tver State University

The department of history of Russian literature

In this article F.N. Glinka's position in discussion about the Russian language is analyzed, the problems of functioning of oldrussian words and expressions, tserkovnoslovyanizms and bibleizms in F.N. Glinka's works are considered. Different cases of their use are fixed here.

Key words: *Russian literature of the XIX-th century, F.N. Glinka's literary works, tserkovnoslavyanizms and bibleizms, ancient languages, literature in the system of culture*

Об авторе:

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: rabota165@rambler.ru

